

Глава I

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

— Ася, тебе письмо от Матильды! — сообщила Ниночка, едва я переступила порог квартиры, и протянула мне типично российский конверт, на котором изображена ветка цветущей яблони и надпись «Праздник весны и труда».

Скоро уже год, как я живу в Париже у деда и его жены Ниночки. Мой дед — знаменитый оперный певец Игорь Потоцкий. Сначала я безумно тосковала по Москве, по маме, папе, тете Липе, по всем друзьям, а особенно, конечно, по Мотьке, но после путешествия по Италии мне скучать и тосковать было уже некогда. Все свободное время я проводила со своим другом Аленом, который старался говорить со мной только по-французски, так что через два месяца я уже здорово разговорилась, тем более что он и от своей сестры, моей подружки Николь, требовал того же. Поначалу я злилась, раздражалась, а потом... заговорила, а куда денешься? И Ниночка тоже два часа в день занимается со мной французским, словом, меня взяли в оборот! А еще я два раза в неделю играю в теннис, и это доставляет мне огромное удовольствие. Но, взяв в руки Мотькино письмо, я чуть не взвыла, так мне захотелось в Москву. Я побежала к себе в комнату и вскрыла конверт. Мотька накатала подробное письмо. Главной новостью было то, что Лика прожила у Матильды всего лишь месяц, а потом

вышла замуж за Федора, частного детектива, с которым ее познакомила летом бабушка Олега. Но зато теперь у Матильды поселилась ее двоюродная сестра из Харькова Степанида, девчонка двенадцати лет. «Представляешь сочтаньнице, Матильда и Степанида? — писала Мотька. — Просто черт знает что! Но мне ее жалко, она хорошая девчонка и в таком возрасте осталась совсем одна. Мать у нее давно умерла, а теперь вот дядя Сема, ее папа, подался на заработки в Канаду... Ну я и предложила, пускай поживет у меня! Все-таки веселее. Она теперь тоже в нашей школе учится. Ее, конечно, дразнят из-за имени... И что за дела, кому в голову взбрело назвать девочку Степанидой? Хотя Матильда, по-моему, еще хуже... Но ничего, она умеет за себя постоять... А еще, Аська, есть у меня одна новость, узнаешь, обалдеешь, только я пока ничего писать про это не буду, из суеверия... Боюсь сглазить! Прости, подруга, что я ничего не объясняю, но я боюсь... Если все получится... Ладно, замнем для ясности!»

Нет, это все-таки форменное безобразие — так заинтриговать человека и ничегошеньки не объяснить! Я понимаю, Мотьку от ее новости распирает, а написать она боится, дурища! Тоже мне проблема, поплевала бы через левое плечо — тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, постучала бы по дереву! Так нет же! Видно, это что-то очень важное! А я, кажется, догадываюсь, наверное, ее пригласил на кинопробы режиссер Лутовинов, с которым мы познакомились прошлым летом. Он обещал Мотьке, что если найдет деньги на новый фильм... Да, конечно, я уверена, что именно в этом дело! Матильда с раннего детства мечтает стать актрисой, так мечтает, что даже обратилась в агентство «Путь к славе», оказавшееся не просто шарашкиной конторой, но и гнездом преступников. Ну что ж, Матильда, храни свою тайну, подумала я, только я-то все прекрасно понимаю!

Дальше Мотька писала о наших общих друзьях и знакомых и лишь в самом конце сообщила: «У меня, между прочим, брат родился! Хорошенький! Я ужасно боялась, что мама его каким-нибудь Робертом или Фердинандом назовет, но, слава богу, его назвали... Угадай как? Игорем! В честь твоего деда! Здорово, правда? Эх, Аська, если бы ты на зимние каникулы в Москву приехала! Как было бы здорово! Потому что я не знаю, если все получится, я вряд ли смогу к тебе на пасхальные каникулы приехать, так дела складываются... А может, ничего и не выйдет, тогда приеду! Ну все, пока, подружка! Твоя Матильда».

— Ну что Матильда пишет? — спросила Ниночка за обедом.

Мы сидели за столом вдвоем. Дед улетел на два дня в Мадрид, петь «Бориса Годунова».

Я рассказала Ниночке про московские новости.

— Как ты думаешь, что за тайна у нее?

— Полагаю, ты права, она, скорее всего, будет сниматься в кино. Твой дед уверен, что у нее большое будущее!

— Я знаю, — вздохнула я.

— Какие у тебя планы на Рождество? — спросил меня Ален, когда мы вечером встретились, чтобы пойти в театр.

— Не знаю, до Рождества еще больше двух недель. А что?

— Ничего, просто спросил. А почему у тебя глаза такие несчастные, Ася? — испугался он.

— Я хочу в Москву, — тихо призналась я.

— В Москву? А надежда есть?

— Почем я знаю? Ничего не говорят... Значит, вряд ли. А там у Матильды какие-то тайны...

— Знаешь, я тоже хотел бы попасть в Москву. Мне интересно, как-никак по отцу я русский...

Ален и Николь — дети Ниночкиного брата.

— Вот было бы здорово вместе туда поехать, — продолжал Ален, — только шансов маловато! У нас заведено Рождество встречать всей семьей... А у вас?

— У нас? У нас вообще Рождество не очень-то празднуют. Вот Новый год — другое дело! Его даже два раза встречают.

— То есть как?

— У нас же есть еще Старый Новый год!

— Ах да, я слышал... Интересно! А как его празднуют?

— Ну, у нас все праздники одинаково справляют — за столом! И чем больше еды на столе, тем лучше! Я знаю, что тут принято в Новый год гулять по улицам... А у нас в двенадцать все сидят за столом.

— Но ведь это скучно!

— Скучно? Да ты что! Когда в Новый год все собираются вместе... Мама, папа, их друзья... Знаешь, как бывает весело! Вернее, бывало...

— А в прошлом году как ты встречала Новый год?

— Никак. Я была больна...

— Ничего, Ася, не грусти! Мы на Новый год непременно придумаем что-нибудь эдакое!

— Да что за радость — Новый год без снега!

Мне сейчас все было не в радость, так я хотела домой! Надо будет поговорить с дедом, когда он вернется... Но я даже не могла предположить, как все обернется. Недаром говорят — не было бы счастья, да несчастье помогло! Наша школа сгорела. Не дотла, но все-таки о занятиях не могло быть и речи. И нас на две недели раньше отпустили на Рождественские каникулы! В школе немедленно начали ремонт. Узнав об этом, дед позвал меня к себе.

— Что, ребенок, радуешься? Я тебя понимаю! Когда я в Консерватории учился, бывало, как сверну на улицу Герцена, все с надеждой смотрю, не горит ли моя Консерватория! — со смехом начал он. — Ну, что будем делать?

— Дед...

— Хорошо, поедешь!

— Что? Куда?

— Но ты ведь хотела попроситься в Москву? Или я ошибся?

— Ты самый лучший дед на свете!

— Надеюсь! Мы с Ниночкой посоветовались и решили, чем ты будешь тут без дела околачиваться, лучше езжай домой. Тем более и Юра сейчас в Москве. (Юра — это мой папа, он гидробиолог и большую часть года «болтается в морях», как говорит мама.) Ну что, рада? Вот завтра же и полетишь!

— Завтра? — ахнула я.

— Ну да, а то Нинка мне уже донесла, что ты как письмо от Мотьки получила, так у тебя сделались глаза, как у больной собаки. А больных собак надо лечить!

— Дед! — завизжала я. — Ура! А ты уже в Москву сообщил?

— Нет еще, хотел сперва с тобой поговорить, а то вдруг мы с Нинкой ошиблись? Вдруг ты поменяла всех старых друзей на Алена? — лукаво улыбнулся дед. — Кстати, отличный парень, на мой взгляд!

— Да, Алена очень, очень...

— Понимаю, он очень хороший, да?

— Да!

— Но это не любовь?

— Я не знаю...

— В таком случае вам даже полезно будет расстаться на некоторое время. Разберетесь в своих чувствах...

— Да, да, дед, только давай не будем нашим звонить?

— То есть как?

— Я им сделаю сюрприз! Обожаю сюрпризы! Представляешь, что будет с ними? Я позвоню в дверь...

— Ты любишь сюрпризы?

— Как будто ты не любишь?

— Обожаю! Помнишь, как я прилетел в Тель-Авив и ждал тебя у фонтана?

— Еще бы не помнить!

— Но как же ты доберешься до дому, если тебя никто не встретит?

— Я попрошу Олега, у него же машина!

— А он сможет?

— Надо позвонить ему.

— И он не проговорится?

— Нет, он надежный!

— В таком случае я сам позвоню ему и попрошу встретить тебя!

— Отлично, дед!

— И Матильду не предупредишь?

— Конечно, нет!

— Ну что ж, решено, я сейчас закажу билет, а вы с Ниночкой езжайте по магазинам, надо всем купить подарки!

Так мы и сделали. Набегавшись по магазинам, мы с Ниночкой вернулись домой, и дед сообщил мне, что билет заказан, с Олегом он переговорил, тот непременно меня встретит.

— Да, кстати, звонил Алён, я ему пока ничего не сказал.

— Почему?

— Потому что это не мое дело! Ты должна сама ему обо всем сказать.

— Да, верно, — согласилась я и тут же позвонила

Алену. Он уже слышал по радио, что наша школа сгорела.

— Ален, я завтра улетаю в Москву! — радостно сообщила я.

— В Москву? — упавшим голосом переспросил он.

— Да! Дед сам мне предложил!

— И когда ты вернешься?

— Только через месяц. Я буду тебе звонить! Обязательно!

— Посмотрим. Ты одна летишь?

— Одна! И это будет сюрприз для всех!

— Значит, тебя никто не встретит?

— Олег!

— Олег? Кто это?

— Ты забыл? Это Мотькин парень, у него машина, ему дед уже позвонил! Ален... А ты меня проводишь?

— Тебя некому проводить?

— Почему? Просто я...

— Нет, извини, я не смогу, — сухо проговорил он.

— Почему? — растерялась я.

— Я в это время занят!

— Но ты даже не спросил когда!

— Это неважно, я завтра занят весь день!

— Ах вот как! Ну что ж, в таком случае пока!

— Пока!

И он первым повесил трубку.

Он обиделся? Глупо! Огорчился? Еще глупее. Он должен был бы радоваться за меня... Но ему, наверное, грустно... А впрочем, мне сейчас не до него, решила я. Охота ему обижаться, пусть... А у меня еще столько дел!

И все-таки втайне я надеялась, что он приедет в аэропорт. Оказалось, напрасно надеялась. Провожала меня Ниночка. Она видела, что я озираюсь по сторонам...

— Ты кого-то ждешь? — спросила она. — Если

Алена, то он сегодня очень занят... Я говорила с ним, он сказал, что...

— Я знаю, — перебила я ее. — Ну и пусть, занят так занят!

В самолете я сперва думала об Алене, но потом все мои мысли устремились домой, в Москву! Неужели уже сегодня я увижу маму, папу, тетю Липу? И узнаю наконец, что там за тайны у Мотьки. Может, Олег все мне по дороге расскажет... А еще я представляла себе, как звоню в квартиру и мне открывает тетя Липа! Что с ней будет! А вдруг откроет мама? От предчувствий у меня сладко замирало сердце. Но вот самолет пошел на посадку...

Олег ждал меня с букетом мелких белых хризантем. Я их обожаю.

— Олечка! Привет!

— Привет, Аська! Это все твои вещи? Ты молодчина, что приехала! Матильда будет просто счастлива!

— Ты ей ничего не сказал?

— Нет, я даже еще не говорил с нею после звонка Игоря Васильевича! Ну, здорово, я тоже страшно рад! Признавайся, это ты школу подожгла?

— Нет, но стоило бы...

И вот мы уже едем по ярко освещенному Ленинградскому шоссе. Я в моей любимой Москве! Ура!

— Олечек, что там у Мотьки, а? Она написала, что у нее какие-то события, но она боится сглазить...

— А, — усмехнулся Олег. — События и вправду грандиозные, только пусть она сама тебе все расскажет, а то она мне голову оторвет, если я скажу...

— Олечек, миленький, ты хоть намекни! — взмолилась я. — Пойми, я ведь сегодня до нее вряд ли доберусь, скоро десять часов, пока то да се...

— Хорошо, — кивнул Олег, — только пообещай, что ты ей не скажешь... Сделаешь вид, будто впервые слышишь, договорились?

— Конечно, договорились!

— Ну, смотри! Дело в том, что ее пригласили в театр!

— Что значит пригласили? Кто пригласил?

— Ты слыхала про такого режиссера Меркулова?

— Меркулова? Его зовут Илья? Илья Меркулов?

— Точно!

— Ну?

— Так вот, этот Меркулов увидел Мотьку и сразу же пригласил ее в свой спектакль! У нее там практически главная роль.

— Мотька? Играет в театре?

— Ну, пока она только репетирует, но... В начале января должна быть премьера!

— Потрясающе! Вот здорово! А в каком театре?

— Антреприза Меркулова, сейчас это модно...

— Я знаю, мама тоже играет в антрепризе... Поймай, она с мамой будет играть?

— Нет, твоя мама играет в другой пьесе... Я видел, это здорово. Но помогла Мотьке, конечно, твоя мама... Она узнала, что Меркулов ищет актрису на роль девчонки и посоветовала ему посмотреть Матильду.

— Обалдеть! Но мама мне ничего не говорила...

— Наверное, по просьбе Матильды... Из суеверия. Она даже мне долго ничего не говорила. Она так волнуется, просто с ума сходит... А про Степку она тебе писала?

— Про Степку писала!

— Тоже подарочек!

— А что?

— Ну, это такая девчонка... Просто отпад! Уж не

знаю, как Матильда с ней управляется. Черт в юбке!
А Лика замуж вышла!

— Это я тоже знаю! А ребят наших ты видишь?

— Да! Митяя так даже часто. Он ведь тоже в университете учится. Костю, правда, я только один раз видел. А Валерка частенько звонит. Надо будет нам всем собраться, на бабушкин фруктовый крем!

— А как бабушка?

— Нормально!

— Вы тут без меня ничего не расследовали, а?

— Нет, Аська, и, надеюсь, не будем! Хватит с нас! А вы с Матильдой даже в Париже и Риме умудрились кого-то поймать. Я тебя очень прошу, не надо! — засмеялся Олег.

— Постараюсь!

— Уж будь добра!

Мы тем временем свернули на Садовое кольцо. В Москве стояла настоящая зима. Мороз около десяти градусов, снег. Хорошо!

— Любишь ты, Аська, сюрпризы!

— Обожаю!

— А вдруг у тебя никого дома нет? Тогда что?

— Как это никого нет? А тетя Липа?

— Тетя Липа тоже может куда-нибудь уйти...

— Ничего, Олежек, я не пропаду в Москве! На худой конец, поеду к тебе! Ты же меня на улице не бросишь?

— Это правда! — засмеялся Олег.

Но вот мы наконец въехали в наш двор. Я сразу глянула на окна. Окно кухни освещено, и окно комнаты родителей тоже. Порядок!

— Похоже, не придется тебе просить у меня приюта! — заметил Олег. — Я поднимусь с тобой, во-первых, вещи отнесу, а во-вторых, охота мне поглядеть на

лицо того, кто тебе откроет! По-моему, я заслужил эту привилегию!

— Заслужил, заслужил! — в восторге сказала я и выскочила из машины.

Мы поднялись на шестой этаж, и я позвонила в дверь. Лорд не залаял. Олег оттер меня от «глазка», чтобы не испортить сюрприз.

— Кто там? — раздался голос папы.

— Юрий Борисович, это я, Олег Седов!

Дверь распахнулась, и я вышла на первый план.

— Ася? — Папа от неожиданности даже попятился. — Ты сошла с ума!

— Папочка! — бросилась я к нему. — Папочка!

— Аська, откуда ты? Как? Почему? — ошалело спрашивал папа, сжимая меня в объятиях.

— Юра, кто там? — послышался голос тети Липы.

— К нам гостя!

Но тут вдруг откуда ни возьмись выбежал Мефистофель и с громким мяуканьем стал тереться о мою ногу. Лорд сидел рядом с растерянным видом.

— Боже мой! Аська! — закричала тетя Липа и кинулась ко мне. Но вдруг замерла. — Что с Игорем Васильевичем?

— Ничего! С ним все в порядке! Просто у нас сгорела школа. И они меня отправили в Москву. Ура! Я дома! А мамы нет?

— Мама в театре! Аська, да тебя не узнать! — восклицал папа, внимательно разглядывая меня. — Но почему ты не сообщила?

— Сюрприз!

В нашей семье любили такие сюрпризы, и папа тоже не раз возвращался из своих экспедиций, никого не предупреждая. Теперь сюрприз ждет еще маму, а потом и Мотьку.

Олег, очень довольный, выпил с нами чаю и уехал.

А я рассказывала папе и тете Липе о своем парижском житье-бытье, и мне было так хорошо, так уютно... Но вот в двери повернулся ключ. Я затаила дыхание. Это вернулась мама. Папа вышел ей навстречу.

— Таточка, ты очень устала? А у нас гости!

— Кто? — не без раздражения спросила мама.

— Одна дама, которую ты будешь рада видеть.

Но тут уж я не выдержала и выскочила в коридор.

— Аська! — взвизгнула мама и бросилась ко мне. —

Аська, солнышко, откуда? Что-то случилось?

— Сгорела наша школа. И я приехала к вам. Я больше не могла, я так соскучилась!

— Как сгорела школа?

— Ну как? Там был пожар, понимаешь?

— Какое счастье! — воскликнула мама, крепко прижимая меня к себе.

Глава II

НАХОДКА

Тетя Липа и папа уже ушли спать, а мы с мамой все не могли наговориться. Она засыпала меня вопросами о моей парижской жизни, и чем больше было этих вопросов, тем теплее становилось у меня на душе. Что греха таить, иной раз мне казалось, что маме совсем не до меня и она даже рада, что я далеко, в другой стране...

— Мамочка, как хорошо, что я приехала... Ой, мама, а что там у Мотьки? — спохватилась я. — Мне Олег что-то говорил, будто ты...

— Да, у Мотьки грандиозные успехи, она репетирует в антрепризе у Илюши Меркулова, помнишь его? Он от нее в полном восторге, и скажу тебе по секрету,

ты ей пока не говори, он подыскивает еще одну пьесу, где у нее опять была бы главная роль.

— Мама, но это же просто здорово! Значит, она действительно будет актрисой!

— Думаю, она будет настоящей звездой, я видела, как она показывалась Илье. Это было так талантливо, я даже подумала, что, наверное, такой была юная Алиса Коонен, когда показывалась Станиславскому... Помнишь, ты читала ее мемуары? Такие же огромные синие глаза, поразительный артистизм...

Господи, неужели это все о моей подружке Мотьке? Но когда же я теперь с нею увижусь? Утром она в школе, а потом, наверное, в театре...

— Мама, а она каждый день репетирует?

— Думаю, что да. У них же скоро премьера...

— Тогда я заявлюсь к ней утром, часов в восемь!

— А ты проснешься? — засмеялась мама. — Смотри, уже третий час!

— Ничего, будильник поставлю!

— Ну дело твое. В таком случае иди спать. Да и мне пора, завтра с утра на телевидение...

Без четверти восемь я уже выскочила из дому и помчалась к Мотьке.

— Кто там? — спросил незнакомый голос из-за двери.

— Степанида, открой, свои! — сказала я.

— Кто свои?

Она произносила «хто».

— Открой или позови Матильду!

— Моотя! Тут хтой-то тебя спрашивает!

— Кто там? — раздался родной Мотькин голос.

— Матильда! Это я!

— Матерь Божья, Аська! — завизжала она.

Дверь распахнулась. Мы обнялись.

— Мооть, это шо, та самая Аська? — дернула Мотьку за рукав Степанида. Она была хорошенькая, чем-то

похожая на Мотьку, только не такая хрупкая и изящная, а крепко сбитая, невысокая, с совершенно хулиганскими карими глазами.

— Та самая! — восторженно отозвалась Мотька. — Аська, ты когда приехала?

— Вчера вечером, поздно...

— Ой, Аська, а ты письмо-то мое успела получить?

— Успела, успела! Только ни черта не поняла...

— А тетя Тата тебе ничего не говорила?

— Говорила... Это просто потрясающе! Мо-тька, а мне можно будет на репетицию пойти?

— Нет, нельзя! — ответила Мотька и как-то странно подмигнула мне. — Илья Михайлович не разрешает... — И она еще раз мне подмигнула, едва заметно кивнув в сторону Степаниды.

— Понятно. Потерплю до генеральной...

— Степанида, быстро на кухню! — распорядилась Мотька. — Там уже все готово! А то в школу опоздаешь!

— А ты?

— Я сегодня прогуляю! — решительно заявила Матильда. — А то у меня времени не будет с Аськой пообщаться!

— И я не пойду в школу!

— Еще чего! Поговори у меня. Пойдешь как миленькая! И чтобы не смела вякать!

— А я твоей классной руководительнице скажу, что ты прогуливаешь.

— Да ради бога! Подумаешь, большое дело! Говори кому хочешь, доносчица — собачья извозчица!

— Я не доносчица!

— Пока нет, но, видимо, будешь... А среди моих друзей доносчиков нет и не будет. Вот и делай выводы.

Степанида задумалась. А я была поражена — до чего же повзрослела Мотька.

— Ладно, так и быть, не скажу... — широко улыбнулась Степанида. — Я понимаю, вам поговорить надо...

— То-то же! И давай быстрее ешь!

Выпроводив наконец Степку, Матильда опять бросилась в мои объятия.

— Ох, Аська, как же здорово...

— Ну, рассказывай! — потребовала я.

— Сейчас, сейчас... Ох, Аська, как же вовремя ты приехала... Как вовремя!

— А что, опять надо что-то расследовать? — пошутила я.

— В том-то и дело!

— То есть как? Ты шутишь?

— Какие шутки! Не до шуток мне! Не знаю, что и делать... Может, ты что-нибудь посоветуешь...

— Матильда, ты серьезно? — все еще не верила я.

— Да уж куда серьезнее... погоди, я сейчас!

Она приволокла из кладовки стремянку и полезла на антресоли. Вытащила оттуда старый чемодан и подала мне.

— Открой!

Я открыла чемодан, откуда разило нафталином. Там лежали какие-то старые вязаные кофты, шапки, цигейковый вытертый воротник и все в таком роде.

— Моть, что тут такое? — спросила я и чихнула.

— Увидишь, — мрачно бросила Мотька и нагнулась над чемоданом. — На, смотри!

И она протянула мне какой-то сверток в черном пластиковом пакете, перетянутом бельевой резинкой.

Я осторожно сняла резинку и с опаской сунула руку в пакет. В нем лежала кожаная мужская сумочка, такие называются барсетками. Я вопросительно взглянула на Матильду. Она криво улыбнулась.

— Открой!

Я открыла «молнию» и оторопела — в сумке лежала толстая пачка стодолларовых купюр.

— Мотька!

— Вот тебе и Мотька!

— Откуда это?

— От верблюда! В буквальном смысле слова!

— То есть? — не поняла я.

— Ох, Аська, и почему все это на мою голову сыплется?

— Ты можешь толком объяснить, в чем дело! — рассердилась я. — Ты что, украла эти деньги?

— Украла? — вскинулась Мотька. — Я, по-твоему, воровка? Степка их... нашла.

— Нашла? — ахнула я. — Где это такие деньги находят, адресок не дашь?

— Запросто!

— Слушай, Матильда, ты, конечно, уже почти звезда, но, будь добра, объясни простым смертным, что все это значит!

— Ох, Аська, не злись. Прости, подруга, я что-то не в себе... Я боюсь...

— Если ты мне сейчас же все не расскажешь, я просто уйду!

— Расскажу, обязательно расскажу, у меня на тебя вся надежда, я уж не знаю что думала, а как ты появилась, я решила, может, все еще обойдется...

— Матильда!

— Да-да, прости. Так вот, это случилось позавчера. Мы репетируем сейчас уже в театре, на сцене. После репетиции меня отвозят домой на машине... Это тетя Та-та настояла, а наш администратор согласился, и обычно он сам меня отвозит...

— Ты и впрямь звезда, — хмыкнула я.

— Ладно тебе, просто я репетирую после школы, часто допоздна, ну и они говорят, что я им к премьере

живая нужна... Они-то смеются... — всхлипнула Моты-
ка. — Так вот, репетиция кончилась, Яков Леонидо-
вич, это администратор наш, подвез меня домой... Ох,
зачем я все это рассказываю, дура набитая... Короче,
вхожу я в квартиру, навстречу мне Степка вылетает,
вид у нее еще тот, глаза горят, она хватает меня за ру-
кав, даже раздеться не дает, и тащит на кухню, а там на
столе эта барсетка лежит, раскрытая. Я так и ахнула.
«Степка, откуда это?» — спрашиваю. «Мотечка, я на-
шла! Мы теперь с тобой богатющие будем. Тут целых
двенадцать тысяч, я пересчитала. Это ведь много, прав-
да?» — радуется эта дура.

А у меня душа в пятки ушла. Неужто она украла?
Да если даже нашла, тоже хорошего мало. Ну я к ней с
ножом к горлу, колись, Степанида. А она рассказала,
что ходила в магазин за молоком, а когда вернулась,
лифт не работал, она пошла пешком и между третьим и
четвертым этажом лежала эта барсетка. Ну, она и ре-
шила, что лучше всего взять ее домой. Дома поглядела,
что там такое, и пришла в восторг. Теперь, говорит,
можно папке написать, чтобы возвращался, она, дес-
кать, теперь разбогатела и спасла семью. Видала дуру?
Ой, Аська, что теперь будет? Я печенкой чую, не обе-
ремся мы неприятностей, и это еще мягко сказано!

— Да почему?

— Как почему? Как почему? Думаешь, такие деньги
просто так достаются? Или кто-то на них рукой мах-
нет? Мол, потерял, и ладно? Я бы ни за что их не взя-
ла! Ни за что! Пусть бы лежали где лежат! Чужое доб-
ро впрок не идет, это я точно знаю!

— Тогда почему ты их не положила туда, где они ле-
жали?

— Потому что... Ну, во-первых, слышала бы ты, как
голосила Степанида, во-вторых, я растерялась, честно

тебе скажу... Да и потом, откуда я знаю, что деньги к хозяину попадут?

— А может, объявление расклеить, а?

— Да я уж думала, но нет, это страшно...

— Почему? Напиши — такого-то числа, там-то найдена барсетка, и все. А уж, если кто позвонит, ты спроси, что там было, как она выглядит, ну, словом, сама понимаешь...

— Легко тебе говорить! Мы со Степкой что — две девчонки, живем одни, а тут такое дело... Может, это бандитские денежки, и они нас просто пришьют, как ненужных свидетелей, и вообще... Мне сейчас совсем о другом думать надо, у меня такое везение...

— погоди, Матильда, может, эти денежки тоже часть твоего везения, а? Знаешь, одно к одному! Полоса такая счастливая, может это быть?

— Нет, не может!

— Почему?

— Потому что я чувствую — нехорошие это деньги! Я их боюсь! И не знаю, что делать!

— Так, может, в милицию заявить?

— Да, быстро же ты все забыла! А какая гарантия, что я в милиции на честного человека нарвусь? Нет, милицию в это дело лучше не мешать!

— Ну и что ты предлагаешь?

— Кабы знать... Я думала, ты что-нибудь предложишь...

— Слушай, а Федор? Ликин муж? Вот к кому надо обратиться!

— Обратилась бы, если б он в Москве был, а то они в свадебное путешествие укатили, за границу...

— Надолго?

— Нет, на две недели!

— Матильда, тогда все просто! Забудь на две недели об этих деньгах, а когда они вернуться...

- Думаешь?
- Конечно, он твой знакомый, муж Лики, частный детектив... Слушай, а Олегу ты ничего не говорила?
- Нет! И не буду! Он на меня кричать начнет, что я вечно во что-то влипаю, и вообще... Не хочу!
- Ну и зря! Он отличный парень и так тобой гордится...
- А ты почему знаешь?
- Да он же меня встречал!
- Как? Почему?
- Потому что я всем сюрприз хотела сделать... Дед ему позвонил и попросил меня встретить, ну и вот...
- Ну я ему задам!
- Кому? — оторопела я.
- Олегу!
- Но почему?
- Он должен был меня предупредить!
- Почему это?
- По кочану!
- Глупости, Матильда! Дед просил его держать все в секрете, как же он мог проболтаться...
- Ну, если Игорь Васильевич просил...
- То-то же! И вообще, хватит на Олега бочки катить...
- Ишь, заступница, — проворчала Матильда, убирая барсетку с долларами обратно в чемодан. — Значит, говоришь, ждем Федора?
- Именно.
- Ну и ладно, мне все же легче стало, когда я приняла решение. Главное, чтобы эта охламонка никому не проболталась.
- Тебе с ней трудно?
- Да нет, я справляюсь... Только я сдуру, когда она приехала и была, как... побитая собачонка, чтобы немножко ее развлечь, взяла да и рассказала ей про «Квар-

тет», про все наши дела... И теперь ей тоже охота что-нибудь расследовать.

— Да, это ты маху дала!

— Мне ее жалко было. Мама говорит, дядя Сема вряд ли вернется. Канада не ближний край, пока денег заработает, пока то да се... Ему вообще трудно со Степкой было... Одним словом, можно считать, что она сирота круглая. Ну и вот...

— Ладно, Мотыка, это все потом, ты мне лучше про театр расскажи! Что ты там играешь, с кем, как?

— Аська, — понизила голос Матильда, — мне про это даже говорить страшно, это такое счастье, такое... Если все получится... меня заметят, и даже это не главное, я не представляла, что так бывает... Мы сперва за столом репетировали, ну вроде как просто по бумажкам роль читали, потом в комнатах, в репетиционном зале, и вроде все неплохо было, меня хвалили, а вот как первый раз на сцену вышли...

Она мечтательно закатила глаза.

— Тут все как будто по волшебству переменялось... Понимаешь, до тех пор я себя все время вроде бы слышала и как бы со стороны видела, а на сцену вышла и... Раньше как будто две Матильды было, а тут — одна! Я в себя вернулась... Понимаешь?

— Не очень, — призналась я.

— Как бы это объяснить... Я перестала себя видеть со стороны, я... уже не играла, я жила... Я стала этой девочкой, Мэгги...

— Перевоплотилась?

— Наверное... И знаешь, они там все... ахнули! Я потом поняла, когда репетиция кончилась. Илья Михайлович и Яков Леонидович так на меня смотрели... А у Журавского, он моего отца играет, даже слезы на глазах были... Только я виду не подавала, что заметила, и ты

никому не говори, а то подумают, что я хвастаюсь или зазналась...

— А я тоже тебе по секрету скажу... Мама говорит, что Меркулов жутко тобой доволен, и уверяет, что тебя ждет большое будущее, что ты — редчайший талант! И еще она сказала, что, наверное, такой была Алиса Кононен, когда поступала в Художественный театр, к Станиславскому. Помнишь, мы ее мемуары читали?

— Еще бы не помнить!

— Мать, а в школе знают про все это?

— Про театр? Нет, что ты!

— А что тут такого?

— На фиг нужно раньше времени трепаться? Вдруг ничего не получится? Представляешь, как всякие дуры вроде Дубовой будут радоваться?

— А про что пьеса-то?

— Это комедия, очень смешная, про девчонку, у которой родители в разводе, мать — знаменитая киноартистка, отец — знаменитый хирург, а она живет с бабушкой в провинции, а во время каникул месяц проводит с матерью, а месяц с отцом. Ну и наводит там такого шороху...

— Значит, отца играет Журавский, а кто мать играет?

— Коноплева!

— Ух ты! Вот это да! И тебе не страшно с такими звездами играть?

— Нет, не страшно! Мне здорово с ними играть... Коноплева, она такая интересная, элегантная, я на нее смотрю, просто балдею!

— Мать, а мне на репетицию можно будет попасть?

— Не знаю, вообще-то, посторонних не пускают... Но я все же поговорю с Ильей Михайловичем, может, тебе он и разрешит, он же тебя с детства знает... — Ой, мне так интересно!

— А знаешь, Аська, о чем я мечтаю, — прошептала

Мотыка, — чтобы у меня был успех и меня бы увидел Игорь Васильевич. Но, с другой стороны, я бы, наверное, умерла, если бы знала, что он в зале. Понимаешь, он для меня самый-самый великий артист!

— Погоди, Матильда, может, ты еще с этим спектаклем в Париж приедешь!

— Скажешь тоже! — ахнула Матильда.

— Почему бы и нет? Еще когда мы в Италии были, ты только мечтала, чтобы тебя Лутовинов на любую роль попробовал, а сейчас ты главную роль репетируешь! Так что все в жизни возможно!

— Значит, ты в меня веришь, Аська?

— Еще как! И не только я. Дед, кстати, в тебя тоже очень-очень верит. И мама.

— Ну, если бы не тетя Тата, так вообще бы ничего не было. Ты представляешь, она мне вдруг звонит и говорит, что я должна немедленно прийти к вам домой, очень срочно! Ну, я понеслась, думала, от тебя какие-то новости. Прибегаю, а там Илья Михайлович сидит, только я тогда не знала, кто это... Он очень пристально меня разглядывал, а потом попросил что-нибудь ему почитать. Я растерялась, а тетя Тата и говорит: «Матильда, вы же с Аськой вечно какие-то стихи читали, давай первое попавшееся!»

Ну, я и прочитала Северянина твоего любимого, про дежурную адъютантессу. Они так хохотали... А потом он попросил тетю Тату мне помочь и дал нам текст из какой-то пьесы, где она мою бабушку играла. Мы полчаса с ней порепетировали, а потом показали ему, и он... Он сказал, что возьмет меня... Ну, не сразу... Но через две недели со мной уже заключили договор...

— И деньги платят?

— Ага! Представляешь, как здорово?

— А что твоя мама сказала?

— Испугалась до смерти! Но тетя Тата ее уговори-

ла. Сказала, что у меня такого шанса может больше и не быть... Что школа никуда не убежит, что репетиции будут во второй половине дня и все такое...

— А Митя с Костей в курсе?

— Нет. Зачем? Я стараюсь не болтать об этом раньше времени.

— Наверное, ты права. Но на премьеру-то позовешь их?

— Да ты что? Разве можно сейчас об этом думать? До премьеры еще дожить надо!

— Доживешь, куда ты денешься!

— Ох, Аська, понимаешь, мне отчего-то страшно... Как бы беды какой не случилось. Я как эти доллары увидела, у меня сердце в пятки ушло. Боюсь я, ох, как боюсь.

— Что ты, Мотька! Не бойся, я с тобой.

— Только это меня и утешает, — улыбнулась она, но улыбка вышла невеселая. — Ладно про меня, расскажи, как ты там в Париже живешь? Как Ален?

Глава III

ПРОИСШЕСТВИЕ В ТЕАТРЕ

Мы с Матильдой не заметили, как пролетело время. Вернулась из школы Степанида.

— Ох, мне ведь уже скоро в театр! — спохватилась Мотька, плюхая на плиту большую кастрюлю.

— Какой у тебя нынче суп? — со смехом спросила я. Матильда вкусно готовила, особенно обожала супы.

— Борщ. Хочешь?

— Хочу!

Степка все время изучала меня, я это чувствовала. И словно хотела что-то сказать. Наконец она решилась.

- Ась, а ты и вправду в Париже живешь?
- Да.
- Ну и как там?
- Хорошо. Но в Москве лучше!
- Почему?
- Тут все свои... Я по Москве все время скучаю.
- А... А я по Харькову — нет! — отрезала вдруг Степка. — По папке — да, а по Харькову — нет. Мне в Москве больше нравится.
- А как тебе наша школа? — любопытствовала я.
- Я привыкла, — уклончиво ответила она. — А ты насовсем приехала?
- Нет.
- Послушай, а вот Матильда мне всякие разные истории про вас рассказывала...
- Какие истории?
- Ну, как вы разных там бандитов и контрабандитов ловили...
- Контрабандистов! — поправила ее Мотька.
- Ну, нехай будут бандисты, — кивнула Степка. — Нешто это все правда?
- Чистая правда! — ответила я.
- Так это же... А она тебе говорила, что я нашла? — понизив голос, осведомилась Степанида.
- Говорила.
- Правда, здорово?
- Да нет, я с Матильдой согласна, ничего тут хорошего нет. Если кто-то такие деньги потерял, у него, знаешь, какие неприятности могут быть...
- Матильда одобрительно мне подмигнула.
- Ладно, вы тут болтайте, а я пока соберусь. И она ушла в ванную.
- Ася, — шепотом начала Степанида. — Ась, ты знаешь, я сегодня опять пешком наверх шла...
- Опять лифт испортился?

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКРЕТ МАЛЕНЬКОГО ОТЕЛЯ	5
СЕКРЕТ ЗЕЛЕННОЙ ОБЕЗЬЯНКИ.	205

